конов». Кружок С. Р. Воронцова распался — измена ловкого карьериста Ф. В. Растопчина ознаменовала конец надежд на активную политическую роль С. Р. Воронцова при новом императоре. Цензурные стеснения парализовали писательскую деятельность Карамзина. События эти оказали на Карамзина воздействие: политик перерождался в историка.

Переход этот был подготовлен.

Приведенная статья о Петре III интересна и с психологической стороны не меньше, чем с идеологической. Именно отразившиеся в ней настроения позволяют поставить ее у истоков деятельности Карамзина-историка.

Резкая смена двух царствований сопровождалась глубоким психологическим шоком. В последние годы царствования Екатерины II официальное ее восхваление приняло формы безудержной и ничем не ограниченной лжи. Эта ложь приняла характер обязательного ритуала. Смерть императрицы принесла отрезвление. Многое из того, что еще вчера подлежало прославлению, предстало в истинном и далеко не привлекательном виде. Результатом этого был призыв к истине и призыв к совести. Фигурой, противоположной придворному льстецу (а с ней сливалась и дискредитированная фигура придворного поэта), становился независимый историк. Ему приписывалась задача пересмотра утвердившихся репутаций, разоблачения официальных легенд. В «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице» (1803) Карамзин писал: «Что принято, утверждено общим мнением, то делается некоторого рода святынею; и робкий историк, боясь заслужить имя дерзкого, без критики повторяет летописи. Таким образом, история делается иногда эхом злословия... Мысль горестная! Холодный пепел мертвых не имеет заступника, кроме нашей совести... Что, если мы клевещем на сей пепел; если несправедливо терзаем память человека, веря ложным мнениям, принятым в летопись бессмыслием или враждою?»[62]

Историческая задача критики источников сплетается с нравственной целью восстановления правды и разоблачения официальной лжи. Этим определяется поза историка-гражданина и одновременно политика-реалиста, сменившая во второй половине творческой жизни Карамзина привычную уже для читателей маску чувствительного путешественника.

---

[62] *Карамзин Н. М.* Соч., т. 1, с. 486—487.